

Ань Чанцин потянул его за рукав. Хотя его лицо оставалось бледным, чувствовал он себя вполне бодро:

— Даже если принесут, я всё равно не смогу поесть. Побудь со мной.

Сяо Чжигэ тут же замер, оглянулся и осторожно опустился на одно колено подле кровати. Сжав его руку и глядя на обескровленные губы, он с трудом выдавил:

— Больно?

Живот Ань Чанцина был укрыт одеялом, скрывавшим рану, но и без того было понятно, насколько она тяжела. Сяо Чжигэ даже не смел всматриваться: от каждого взгляда грудь сдавливала боль, и он всем сердцем жалел, что этот разрез сделан не на его собственном теле.

— Я выпил обезболивающий отвар, так что не больно, — улыбнулся Ань Чанцин, слегка прищурив глаза. — Ты ещё не видел малышей? Сянькун оказалась права: у нас и правда родились мальчик и девочка.

Сяо Чжигэ вымученно улыбнулся и прикоснулся сухими губами к его ладони:

— Я хотел сначала посмотреть на папу малышей.

Ань Чанцин тоже улыбнулся:

— Если князь будет так себя вести, дети потом не будут к тебе тянуться.

Сяо Чжигэ покрутил головой, с нежностью поправил прядь волос у него на щеке и мягко сказал:

— Ты выстрадал их появление на свет, пусть лучше они будут ближе к тебе.

От автора:

Трус-командир: Рожать детей так страшно... QAQ

Но-но: ??? Рожал-то я, тебе нельзя плакать!

Сегодня у нас напуганный до слез Трус-командир~ Но всё же поздравим его с рождением двоих малышей — мальчика и девочки!

Хоть он так и сказал, Сяо Чжигэ в итоге всё же пошёл взглянуть на двоих новорождённых. Будь это обычные дети, кормилица давно бы унесла их кормить. Однако с племенем цзяожэнь всё было иначе: малыши родились почти вдвое меньше обычных младенцев, а их кожа была покрыта тонким, почти прозрачным слоем слизистой плёнки. Сквозь неё едва угадывались белоснежные и милые личики.

— Похоже, это та самая рубашка, описанная в записях. Часа через четыре она спадёт сама собой, — Ху Шифэй вместе с Юй Сяо присматривали за детьми, беспрестанно следя за состоянием плёнки.

Когда детей только извлекли, рубашка была полупрозрачного молочно-белого цвета и казалась довольно плотной, словно панцирь, защищавший младенца. Но вскоре после появления на свет

она становилась всё тоньше и прозрачнее, и теперь уже можно было отчётливо разглядеть черты их лиц.

— Эта рубашка наверняка питает их и придаёт сил, — предположил Ху Шифэй.

Сперва оба младенца плакали, но когда с плёнки стёрли следы крови и укутали их в пелёнки, они успокоились. Маленькие рты забавно примолкали и чмокали, будто от насыщения, а сама рубашка продолжала истончаться.

Сяо Чжигэ присел на корточки и осторожно, по очереди, коснулся пальцем щёчек обоих младенцев:

— Кто из них старше, а кто младше?

Стоявший рядом Юй Сяо воодушевлённо ответил:

— Слева братик, а справа сестрёнка!

Когда детей извлекли, Ху Шифэй остался обрабатывать и зашивать рану, поэтому за младенцами присматривал именно Юй Сяо и знал всё до мелочей.

Сяо Чжигэ присмотрелся и заметил, что сестрёнка выглядела немного пухлее. Черты её лица были ещё совсем незрелыми, но если взглядеться, проглядывалось сходство с Ань Чанцином — особенно родинка под уголком глаза, находившаяся точно на том же месте, что и у него. Взгляд Сяо Чжигэ потеплел:

— Вылитая Но-но.

Словно почувствовав присутствие отца, малышка открыла глазки, пошевелила ручкой внутри плёнки и издала звонкое «а-а!», напоминавшее пенье юного птенца. Сяо Чжигэ обомлел, а затем его губы тронула улыбка:

— А вот характером, похоже, в меня — силы ей не занимать.

Громкий плач при рождении он слышал ещё снаружи. Тогда он решил, что так голосит мальчик, и даже не думал, что это окажется девочка.

Словно поняв его слова, малышка снова с трудом изо всех сил заболтала ручками и ножками. Поняв, что двигаться нелегко, она вновь прикрыла глазки, а её розовый ротик опять принялся чмокать.

Пока она всю бархталась, её братик рядом не подавал ни малейшего знака жизни, тихо покаясь.

Проведя с ними немного времени, Сяо Чжигэ вернулся к Ань Чанцину. Каким бы искусным лекарем ни был Ху Шифэй, разрезание живота ради извлечения дитя нанесло тяжкий урон жизненным силам. Ань Чанцин потерял много крови: хотя родильную комнату уже привели в порядок, Сяо Чжигэ всё ещё ощущал слабый запах крови, а лицо и губы его возлюбленного оставались бледными.

Поговорив с Сяо Чжигэ совсем немного, он обессилел и уснул. Когда Сяо Чжигэ вернулся, тот ничего не почувствовал и спал крепким сном с закрытыми глазами.

Очертив пальцем контуры его лица, Сяо Чжигэ нанёс невесомый поцелуй ему меж бровей.

.....

Когда Ань Чанцин снова очнулся, наступил уже следующий день. Он лежал на постели в главной спальне. Рана на животе была аккуратно перевязана, но действие обезболивающего отвара прошло, и животом овладела ноющая боль. Проведя рукой по животу в полузабытии, он ощутил его плоским и мгновенно очнулся. Он уже собирался позвать кого-нибудь, как заметил стоящую прямо у края кровати детскую люльку: оба ребёнка, одетые в мягкие тёплые одежды, спали головочка к головочке.

Когда детей доставали из живота, он находился в сознании, поэтому прекрасно знал, кто из них братик, а кто сестрёнка.

Взгляд его мгновенно помягчел. Опершись на локти, он пододвинулся ближе и наклонился над малышами. Рубашка с них уже спала; одетые в ярко-красные одежды, они выглядели невероятно белокожими и милыми. Пусть они и были меньше обычных детей, но с самого рождения обладали чистой нежной кожей и густыми волосиками, не проходя через стадию сморщенности, присущую обычным младенцам.

Ань Чанцин не мог наглядеться, испытывая неодолимое желание потрогать пухленькие щёчки и крошечные ручки. Узы крови — удивительная вещь: раньше Ань Чанцин не сказал бы, что особо любит детей, но глядя на брата с сестрой, он ощущал, как в самой глубине сердца расцветает нежность.

Эти два крошечных комочка, едва превышавшие размером его ладонь, были связаны единой кровью с ним и Сяо Чжигэ.

Протянутый палец внезапно сжала крошечная ручка. Сестрёнка открыла глазки, издала тихий лепет «а-а» и крепко ухватила за палец, не намереваясь отпустить. Сила была совсем небольшой, будто палец укутали в мягкую сахарную вату. Ань Чанцин невольно улыбнулся и слегка покачал пальцем в её хватке.

Пока отец и дочь играли, на звуки из внутренней комнаты вышел Сяо Чжигэ. Увидев счастливую улыбку Ань Чанцина, он и сам расслабился:

— Проснулся? Голоден? Ху Шифэй сказал, что пока тебе можно только лёгкую жидкую пищу.

Ань Чанцин прислонился к подушке. Наблюдая, как тот подходит и умело берёт заранее приготовленный маленький погремушку-барабанчик, чтобы позабавить дочь, он с улыбкой качнул головой:

— Не особо.

На самом деле аппетита у него не было: рана на животе норвила напомнить о себе болью, отчего есть совсем не хотелось.

Сяо Чжигэ заметил его вялое состояние, но ничего не сказал при нём. Поиграв немного с ним и малышами, он вышел и велел поварам приготовить лёгкую, пробуждающую аппетит и хорошо усваиваемую жидкую кашу и паровой яичный крем.

К вечеру Ань Чанцин съел пиалку яичного крема и полпиалы рыбно-рисовой каши, после чего снова лёг. Пока рана не зажила, двигаться ему запрещалось, дабы швы не разошлись. Госпожа Юй и Ань Сяньйюй приходили проведать его и детей, но, видя, что после родов у него мало сил, задерживаться не стали.

Сяо Чжигэ в эти дни не ездил ни в военный лагерь, ни в управу, всё время оставаясь в поместье. После родов он и вовсе не отходил от него ни на шаг: ему приходилось ухаживать за Ань Чанцином и одновременно учиться заботиться об обоих младенцах, из-за чего он постоянно не успевал и суетился. Ведь малыши только родились и были намного меньше обычных детей, поэтому, чтобы не привлекать дурных подозрений, кормилицу пока брать не стали, а привели молочную корову и каждый день поили их коровьим молоком.

Ань Фу унёс пустую посуду и принёс подогретое молоко. Оно было налито в особый фарфоровый пузырёк с узким носиком, удобным для кормления. Сяо Чжигэ сперва осторожно достал старшего братика, довольно неуклюже усадил его к себе на колени и принялся кормить.

Он действовал с предельным трепетом, но из-за нехватки опыта молоко то текло слишком быстро и выливалось из уголка рта младенца, то подавалось слишком медленно, так что малыш лишь тщетно сосал носик пузырька и требовательно издавал «а-а!». Не дождавшаяся своей очереди сестрёнка распереживалась ещё пуще: надула губки и громко разразилась плачем.

Бедному Бэйчжань-вану оставалось только с тёмным лицом — и не смея выплеснуть досаду — укачивать сначала одного, затем другого. Когда оба младенца наконец насытились, он почувствовал себя более изнурённым, чем после тяжелейшей битвы.

Глядя на его брови, сошедшиеся на переносице так плотно, будто связывались в узел, Ань Чанцин не выдержал и расхохотался. Когда Сяо Чжигэ переложил детей обратно в люльку, Ань Чанцин стал тихонько покачивать её, ласково убаюкивая малышей.

<http://bllate.org/book/18381/1767872>